

фикация Людмилинской легенды располагает скорее к скепсису, в ней особенно сильно выражено его противоречивое отношение к Вацлавской легенде: с одной стороны, он очень зависит от более ранней агиографии, с другой — произвольно добавляет и развивает взятые из разных источников мотивы. Правда, он буквально заимствует из более ранней Вацлавской агиографии все мелочи, касающиеся Людмилы, дословно воспроизводит гумпольдовский о ней пассаж. Удивительным образом Кристиан не устраняет той путаницы, которая налицо в 1-м старославянском житии Вацлава, он ошибочно изображает Драгомиру святой, наподобие Людмилы, только несколько более сдержанно. В остальном образ Людмилы у Кристиана — это чистый литературный шаблон в большей степени, чем даваемый им образ князя Вацлава. В его рассказе о судьбе княгини Людмилы так же трудно прощупать живую устную традицию, как и в передаче истории Вацлава.

Одно несомненно: легенда о Людмиле — это ветвь Вацлавской легенды. «Двойное житие» Кристиана возникло не путем слияния двух самостоятельных легенд, а расширения людмилинских мотивов, взятых из первоначального жития первого чешского святого. Совершенно самостоятельной Людмилинская легенда стала только в XI в. Аналогично развивалась легенда о верном Подивене. Как в рассказе о Людмиле, так и тут решающий шаг по сравнению с «Crescente» сделал Гумпольд, а завершил развитие Кристиан. Он посвятил Подивену девятую главу своего труда, начав ее словами: «Nunc deo auctore de novo martyre sincere scire volentibus nova miracula pandam».

Но позднейшая судьба Подивена, в отличие от судьбы Людмилы, не была благоприятной: он не был канонизирован, рассказ о нем остался в составе Вацлавской легенды; правда, повествование о нем развивалось и углублялось, но он и в дальнейшем светил лишь отраженным светом своего господина. Этот неуспех Подивена можно приписать менее яркой выраженности устной традиции об этом спутнике Вацлава; однако успех Людмилы, заверченный всеобщей распространенностью ее культа в более поздних столетиях, не обязательно восходит только к раннему развитию сказаний о ее мученической смерти. Укреплению культа Людмилы могла способствовать, например, потребность Георгиевского («св. Йиржи») женского монастыря иметь собственную местную святую. Фигура Подивена совершенно не отразилась в 1-м старославянском житии Вацлава, образ же Людмилы там есть, хотя и в неясном, и в искаженном виде. Можно думать, что сказания о Людмиле были значительно расширены во второй половине X в., возможно, что их знал и автор первоначального извода «Crescente», но не воспроизвел, стремясь к сжатости. Однако вполне устоявшаяся эта традиция, пожалуй, не была, иначе трудно объяснить разноречия в отдельных «докристиановских» записях и зависимость Кристиана от этих противоречивых источников.

Молчание о Людмиле первоначального текста «Crescente» не должно быть препятствием в попытке перевести образ этой княгини из области легенд второй половины X в. в область исторической действительности первой его половины. Но ее исторические черты очень неясны; снова напоминаю, что первое о ней известие (Гумпольд) ничего не сообщает о ее родственных связях с Пржемысловцами. Если мы и признаем Людмилу лицом историческим, то это все равно ничего не даст для проверки историчности образа Борживоя. Людмила — генетическая часть Вацлавской легенды, Борживой в этой легенде не выступает. В позднейших житиях генетические связи были затушеваны, материал легенд постоянно распределялся по-новому. Определить условия, при которых Борживой